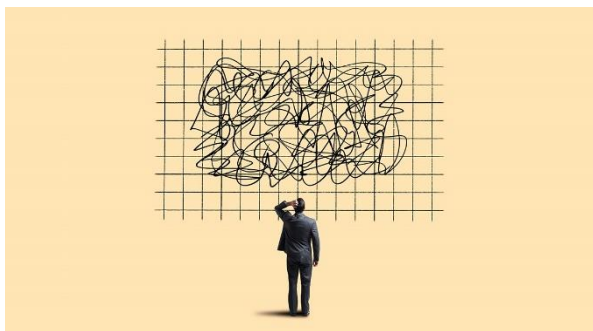

Какой должна быть внешняя политика России в эпоху стратегической нестабильности: полемика

Дмитрий Евстафьев, Андрей Кортунов

Дмитрий Евстафьев:

Специалистам в области международной безопасности свойственна секторальность мышления, то есть заикленность на том, что проблемы международной безопасности, стратегической стабильности, ядерного

разоружения являются фокусом мироздания и национальной политики соответствующих государств. Но это не так.

Мы являемся представителями сервисной функции внутри государства, внутри социально-экономической системы этого государства, и мы призваны обеспечивать комфортные условия для развития общества и государств. В современном мире есть гораздо более важные вещи нежели вопросы, связанные с эволюцией стратегической стабильности. В частности, социокультурные отношения, культура в общем, то, что происходит в сфере эстетики. Какие эстетические перспективы нам предлагаются? Мы пришли к ситуации, близкой к идеологическому вакууму. Какие идеологические парадигмы определяют развитие международных отношений? Какие социальные структуры возникают в новом мире?

Сфера мировой политики и глобальной безопасности не то, чтобы «надстройка», но некое «зеркало», которое в превращенной форме отражает глубинные процессы. Причем, процессы эти могут быть неспешными, многолетними, а мировая политика – существенно более быстрой.

Ровно поэтому важнейшим фактором для российской политики в сфере обороны и безопасности является смерть российской газовой дипломатии. Это важнейший итог последних двух лет и будет иметь долгосрочные последствия.

Мы стоим перед осознанной необходимостью пересмотра подходов к нашей роли в углеводородной политике на мировом рынке. Но это будет иметь неизбежные последствия в сфере военно-политических отношений.

Сделаю, однако, несколько замечаний о сути современных процессов.

Во-первых, однополярность уже невозможна: то, что мы наблюдаем – это остаточная однополярность. Она может продолжаться довольно долго, и, вероятнее всего, будет продолжаться долго, но тем не менее она уже достигла апофеоза. Стоит отметить, что длительность продолжения остаточной однополярности зависит скорее от внутренней ситуации в США, нежели чем от внешнего контекста.

Во-вторых, сетевизация – остается стратегической линией развития так называемого «коллективного Запада», хотя это понятие и спорно. Поздняя, если хотите «угарная» (если пользоваться аналогиями с советским НЭПом) монополярная глобализация подразумевала единый мир, в котором будут жить отдельные люди – реализация концепции максимально возможной сетевизации. Вопрос только в том, что бумеранг сетевизации вернулся в своё ядро – в то, что называется метрополией.

В-третьих, многополярность не сложилась. За китайской концепцией многополярности при ближайшем рассмотрении скрывается не многополярность, а биполярность, где Китай – второй «полюс». Мы ожидали развития регионализации, но пока она развивается более медленными темпами, чем предполагалось, в том числе, и из-за активного и эффективного сопротивления США. А главное, нет никакой идеологической конструкции, которая бы соответствовала регионализации. Ключевым поворотным пунктом в системе международных отношений будет реализация уже четко обозначенного запроса на новую идеологию, на новый образ будущего. Запрос есть, а ответа нет ни у кого.

Нынешнюю ситуацию можно назвать ситуацией *предхаоса*. Хаоса нет, так как ещё работают определенные институты, соблюдаются отдельные нормы международного права, в особенности в региональных объединениях (но все меньше и меньше).

Но ожидание возникновения хаотизации в международных отношениях, системного кризиса, прежде всего, финансового, становится доминирующим. Хаос – это прежде всего абсолютное изменение парадигмы экономического и геоэкономического поведения. Конечно, стратегическая стабильность важна, но она базируется на определенной экономической составляющей. В геоэкономике и экономике абсолютно очевидна тенденция к принятию краткосрочных решений. *Предхаос* – это краткосрочная повестка дня. Представления о долгосрочной нет ни у кого: ни у России, ни у ее партнеров, ни у ее соперников. Это влечёт ряд последствий в военно-политической сфере. Во-первых, происходит расширение серой зоны. Взаимозависимость даже в ситуации *предхаоса* сдерживает все государства мира от принятия жестких военно-политических решений в отношении других государств. Начало конфликта в Карабахе – скорее исключение, которое связано с особым статусом территории. Но тем не менее, ни на уровне отношений Китай-США, ни даже на уровне отношений Китай-Северная Корея принятие жестких долгосрочных решений невозможно. Тем более невозможен какой-то крупный геоэкономический, геополитический маневр. Но это же означает что будут приниматься на вооружение и инвестироваться те виды вооружений, которые “понятны и готовы” на данный момент.

Расширение серой зоны в конфликтах наиболее опасно. Мы лукавим, говоря, что живем в состоянии холодной войны.

Мы живем в состоянии войны теплой, где допустимым становится весьма широкий спектр военно-силовых средств, происходит сращивание информационных манипулятивных и киберударных средств. Сфера

военных средств предвоенного формата расширилась, и где граница перехода теплой в горячую войну никто не знает.

Говоря о перспективах стратегической стабильности, мы все понимаем, что через 5-7 лет к власти в США и в России в военно-политическом руководстве придут люди, которые не имеют представления о ядерном сдерживании и вообще ядерном оружии, для которых оно абстракция. А в военной сфере вообще будут доминировать люди, которые выросли на войнах беспилотников, где для того, чтобы убить человека нужно просто сыграть в компьютерную игру. У этих людей другое отношение к жизни и к смерти, к войне и к миру, а значит нет тех политико-психологических сдерживающих факторов, которые были важнейшим компонентом военно-политического «сдерживания» в период холодной войны.

Что касается российской внешней политики, мы наблюдаем нарастающее недоверие ко всем нашим партнерам. Россия не доверяет никому и правильно поступает. Это отражение глобальных тенденций. Думаю, всем очевидно не просто высокое, но нарастающее ощущение военной угрозы со стороны Запада.

В США взяли курс на легализацию еще не большой войны, но уже средней войны со спорадическим применением оружия массового уничтожения. Это очевидно исходя из их военно-доктринальных документов и заявлений их политических элит.

Никакие тенденции, касающиеся российской внешней политики, не являются в полной мере уникальными. Все они в той или иной степени отражают то, что существует в мире в целом. Но в России вполне осозанным является важнейшее для нашей страны диалектическое противоречие. С одной стороны, очевидна принципиальная невозможность усиления международного влияния России без решения целого ряда социально-экономических проблем и снятия геоэкономических уязвимостей. Но, с другой стороны, снятие этих уязвимостей возможно только при условии благоприятной внешней ситуации, что требует затрат ресурсов не на внутреннем контуре политики, а на внешнем. Этот баланс будет являться главным ограничителем российской внешней политики. Это противоречие быстрее всего осознают военные.

Также наблюдается глубочайший кризис внешнеполитической пропаганды. Она не умерла, но она умирает, и это отражает кризис нашего внешнеполитического контента – России нечего сказать по-крупному, с точки зрения концептуального видения будущего. Ситуация с «Северным потоком-2» показала, что мы побеждаем с точки зрения тактического контента, но для европейцев есть вечные ценности, которые они считают более важными, чем тактические выгоды. Это прежде всего ожидание нового атлантизма: «приедет Байден – Байден нас рассудит» и абсолютная вера в грядущее торжество атлантических ценностей, которое ничем не «перебить». Вообще вопрос о «ценностях» – тяжелый для российской внешней политики, действующей в рамках либерального мейнстрима. Нам необходимо четко понимать взаимосвязь вещей во внутренней и внешней политике России.

В заключение отмечу, что Россия стоит на пороге окончательного снятия табу на применение военно-силовых методов осуществления политики. Пока мы этого избегали. Применение военно-силовых методов при воссоединении с Крымом носило “стыдливый характер”, и мы стоим на пороге того, чтобы этот стыд отбросить. При этом есть опасения, что Россия не сможет участвовать в симметричной гонке вооружений. Как будет искаться баланс между желанием применять военно-силовые инструменты и не вмешиваться в гонку вооружений с заведомо более сильным противником (США) будет сложным вопросом.

Обращу внимание: дверь для переговоров с США держится открытой при системном ухудшении отношений с Европой и вообще падения к Европе интереса.

Потенциал проевропейской группы влияния в России со времен Николая II Романова не был так низок. На месте идеи стратегического партнерства с Европой зияет катастрофический вакуум и что (и кто) его заполнит, – важнейший вопрос, который одновременно будет и ответом.

Андрей Кортунов:

Что такое внешняя политика и для чего она нужна?

Главная задача внешней политики любого государства – вписаться в окружающий мир, не теряя себя. Можно занять позицию «не будем прогибаться под изменчивый мир, пусть он прогнетя под нас». Позиция достойная, но история показывает, что платить за нее приходится дорого. Классический пример – четверть века самоизоляции Японии периода Токугавы и потом 50 лет огромных усилий эпохи Мэйдзи, чтобы вернуться в мир, с большими потерями в виде неравноправных договоров. Циньская империя Китая, начиная от императора Канси, – пример того, как много приходится платить за попытки отгородиться от внешнего мира, отключиться от международной системы. Тут уже потребовалось не полвека, а целое столетие усилий (со второй половины 19 века до второй половины 20 века), чтобы вернуть утраченные позиции. Кстати, вспоминая историю Китая, интересно сравнить циньскую и романовскую династии. Петр I взял курс на открытость Европе, и российская империя за два века превратилась в ведущую европейскую силу. Канси, величайший император циньской династии, взял курс на самоизоляцию, и Китай практически потерял свою независимость в конце 19 века.

Но в мир нужно интегрироваться, но не потеряв себя. Что значит “потерять себя”? “Потерять себя” – это утратить свои национальные особенности, культуру, уклад жизни, утратить национальные сравнительные преимущества, превратиться в один из объектов, а не субъектов международных отношений. В некоторых случаях «потерять себя» может означать угасание этноса как такового. Ведь не только люди смертны, но и народы тоже. Во многих странах Центральной и Восточной Европы мы видим массовую эмиграцию, депопуляцию, стирание национальных особенностей, вытеснение национальных языков в бытовую сферу – это всё вместе и значит “потерять себя”.

Эти две цели определяют баланс между развитием и безопасностью, между либерализмом и консерватизмом. Стремление интегрироваться в мир предполагает развитие как высший приоритет. На этом всегда стояли либералы. Стремление защитить и сохранить себя предполагает акцент на безопасности, а задачи развития подчиняются той же безопасности, понимаемой широко. Такая точка зрения ближе консерваторам.

Конечно, развитие и безопасность как цели внешней политики взаимосвязаны, но все-таки не тождественны друг другу. Соотношение между ними меняется постоянно, и универсального баланса для внешней политики всех стран и народов не существует.

Сегодня мы проходим через продолжительный период деглобализации. Он начался не в этом году, и даже не несколько лет назад. Переломной точкой, по мнению многих экспертов, следует считать глобальный финансовый кризис 2008 года. Компания DHL ежегодно составляет индекс глобальной связанности государств, выделяет 4 параметра глобализации: объемы международной торговли, уровень прямых зарубежных инвестиций, уровень международных миграций и объем трансграничных информационных потоков. В 2008-2009 гг. фиксировался первый откат глобализации. Потом восстановление первых двух параметров шло очень медленно; они вернулись к докризисным показателям только в 2013 г. С 2016 г. (а не 2020) началось новое падение этих показателей.

Вся глобализация последних пяти лет держалась на увеличении миграционных потоков (вспомним европейский миграционный кризис 2015-2016 гг.!) и на повышении объемов трансграничных информационных потоков. В ближайшем будущем будем наблюдать снижение трансграничной активности во всех сферах, за исключением информационной, что создает свои проблемы. Фактически продолжается виртуальная глобализация при нарастании деглобализации в «реальном» измерении. Происходит очередная революция растущих ожиданий на фоне сокращения реального международного сотрудничества и снижения возможностей – как для «догоняющих» государств, так и для отдельных людей. «Ножницы» между ожиданиями и возможностями расходятся со всеми сопутствующими политическими рисками.

Есть и другие процессы, отражающие системный сбой в международных отношениях: снижение уровня безопасности на глобальном и региональном уровнях, ускорение неконтролируемого развития опасных военных технологий, кризис государственности и рост числа «неудавшихся государств», подъем национализма и популизма внутри отдельных стран. В условиях деглобализации и неопределенности российская политика оказывается достаточно эффективной.

Россия имеет возможность играть в «высшей лиге» мировой политики даже и тогда, когда ее ресурсный потенциал для такой игры недостаточен. Эта ситуация деглобализации и неопределенности, которая скорее всего сохранится еще какое-то время, создает дополнительные сравнительные преимущества для России и её внешней политики.

В чем состоят эти преимущества? Россия отошла от либеральной модели политического развития, освободившись от многих ограничений, присущих этой модели. У нас высоко централизован процесс принятия решений во внешней политике, практически отсутствует система сдержек и противовесов, отсутствует также и политическая конкуренция (которая неизбежно замедляет принятие решений и подрывает последовательность и преемственность внешнеполитической стратегии). У российского руководства есть способность к оперативной концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, есть инструменты эффективного манипулирования или, скажем мягче, формирования общественного мнения, готовность иметь дело с партнерами, с которыми не каждый захочет связаться.

К сожалению, многие из этих особенностей, дающих нам преимущества во внешней политике, одновременно создают проблемы для развития экономики и социальной сферы. Поэтому утверждения о том, что «во внешней политике у нас всё хорошо, надо только немного подкрутить экономику», вызывают сомнения, поскольку наши внешнеполитические успехи и внутривнутриполитические проблемы растут из одного корня.

В любом случае, для российской внешней политики сейчас сложились благоприятные международные условия. Вопрос, который важен для определения будущего этой политики (ее возможностей и ограничений) – это вопрос о том, каким будет мир, через 3 года, 5 лет, 10 лет. Собственно, это и есть главный и самый принципиальный вопрос дискуссии между консервативным мейнстримом и ныне маргинальными либералами. Консервативная точка зрения, как я ее понимаю, состоит в том, что происходящее сейчас разрушение взаимозависимости, откат глобализации и подъем национализма – это надолго, возможно – до середины века и даже до конца века. Если это так, то во внешней политике не нужно ничего менять, поскольку наши сравнительные преимущества будут успешно работать на всю обозримую перспективу.

Противоположная точка зрения состоит в том, что хотя мы сегодня наблюдаем откат от глобализации, торможение тенденций к объединению человечества, но эти откат и торможение ненадолго. Если анализировать длинные циклы Кондратьева и соответствующие им длинные циклы в развитии международной системы, то напрашивается вывод, что сегодня человечество подходит к низшей точке управляемости мировой системы, к естественным пределам дезинтеграции, хаотизации, кризиса международного права и международных институтов.

Когда именно мир достигнет этой точки? Когда начнется процесс «глобализации 2.0», то есть не возвращения к старой глобализации начала века, а запуска новой глобализации?

Первая возможная точка перелома – середина 20-х гг. – то есть начало быстрой смена поколений элит в ведущих странах мира. Выборы 2024 г. в США будут более важными, чем выборы 2020 г.. То же относится к большинству крупных стран Европы. Возможно, революция поколений затронет Китай, Индию и Россию.

Вторая точка – около 2030 г., когда будут перезапущены процессы глобализации. Новому поколению лидеров потребуется 5 – 10 лет, чтобы начать там, где был допущен сбой в конце первого десятилетия нашего столетия. Это будет другая глобализация. Если сегодня она является праволиберальной, базируется в первую очередь на интернационализации финансовых потоков, то новый этап глобализации будет леволиберальным и будет основываться на интернационализации социальных процессах в большей степени, чем на экономических. Плюс - давление глобальных проблем к этому времени будет очень сильным, на порядок сильнее, чем это было в начале столетия (ресурсные дефициты, изменение климата, миграционные потоки, пандемии).

Что означает эта принципиально иная глобализация для России? У нас есть от пяти до десяти лет, чтобы подготовиться к новому витку глобальных процессов и к новому этапу развития международных отношений. Что значит – подготовиться? Если посмотреть на набор инструментов, которыми Россия сегодня обладает, этот набор существен, но весьма ограничен. Россия – ядерная сверхдержава, но роль ядерного фактора на уровне отношений великих держав неизбежно будет меняться после окончательного разрушения двустороннего российско-американского контроля над ядерными вооружениями. Его уже не возродить на сколько-нибудь продолжительное время, даже если удастся продлить СНВ-3. Возможности проецирования военной силы – безусловный актив России, и все в этом наглядно убедились в Сирии. По, всей видимости, этот фактор также будет девальвироваться. Это заметно даже в той же Сирии. Сейчас юбилей – 5 лет российского вмешательства, за это время минимум 3 раза российское руководство говорило о том, что операция в Сирии близка к завершению, но победа как линия горизонта ускользает от нас по мере приближения к ней.

Россия – участник многих международных организаций, имеет особый статус постоянного члена СБ ООН с правом вето. Но международная жизнь сейчас часто развивается в обход СБ ООН. Россия несет за это определенную ответственность – никто так часто не применяет право вето в СБ ООН, как Россия, а каждое использование права вето – удар по легитимности СБ ООН. Роль ООН и СБ ООН будут постепенно девальвироваться с соответствующими последствиями для возможности нашей дипломатии. Другие организации, которые Россия создавала (ШОС, БРИКС) – все они имеют проблемы развития, ни одна из них пока не превратилась в полноценную международную организацию.

Россия имеет такой рычаг как важное положение на целом ряде мировых рынков, но это, к сожалению, за редким исключением не те рынки, которые будут определять будущее мировой экономики. Газовая и нефтяная дипломатия уходит, но если говорить о финансовой дипломатии, о дипломатии технологий и международных технологических цепочек, – то здесь позиции России не так сильны.

Вообще говоря, внешнеполитические инструменты можно представить в качестве треугольника. Один угол - военно-политические инструменты внешней политики, второй - экономические и технологические инструменты, третьи - социально-гуманитарные. В идеале треугольник должен быть равносторонним, чтобы набор инструментов внешней политики был сбалансирован. У нас

существует большой перекося в сторону военно-политических инструментов, что объясняется многими историческими, геополитическими и иными причинами. Это не следствие каких-либо ошибок или неправильного понимания российских интересов, но с этим перекося двигаться дальше будет всё труднее. Меняются международные валюты власти, валюты влияния. Нам повезло, что процессы глобализации сильно замедлились и даже на каких-то направлениях обратились вспять. Если исходить из того, что они продолжатся, у России есть время подготовиться. Не только у неё, но и у любой страны, которая хочет быть активным участником международной системы. Задача балансировки внешнеполитического инструментария – она из важнейших задач нового поколения экспертов, дипломатов, практиков.

О повышении эффективности ядерного сдерживания и восстановлении его политической значимости

Дмитрий Евстафьев:

Категорическим императивом внешней политики России является немедленный выход из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, проведение в течение 2-3 лет серии ядерных испытаний, в том числе новых ядерных взрывных устройств. После чего можно снова вступить в Договор. В целом деградация идеи о ядерном сдерживании является крайне опасной, потому что безъядерный мир – это замечательно, пока никто не “жахнул”. Причем, неважно кто и по кому. В США и Великобритании идёт очевидный ползучий процесс легализации ядерного оружия, но не как политического инструмента, как мы хотим, а как фактически инструмента военной политики. Достаточно вспомнить, как два года назад, когда Трамп “не дружил” с Ким Чен Ыном, как открыто обсуждались удары по бункерам КНДР.

Андрей КОРТУНОВ:

У некоторых наших экспертов, особенно военных, есть представление, что обеспечение безопасности – это техническая проблема, что если мы выйдем из ДВЗЯИ и испытаем ядерное оружие, то у нас всё будет хорошо. Однако, решить проблему безопасности неполитическим путем невозможно. Какие бы ни были развернуты “авангардные системы”, из каких бы договоров не выходили, мы будем в итоге лишь усугублять ситуацию. Допустим, мы обеспечили надежное ядерное сдерживание, но ядерное оружие – не единственное ОМУ, есть другие виды оружия, которые легче применяются. Сравним ядерное оружие и химическое. Химическое оружие дешевле (“ядерное оружие бедного человека”) и предназначено не столько для сдерживания, сколько для использования. Его могут произвести даже негосударственные участники международных отношений. Из-за этого есть проблема атрибуции.

Мы допустили бы ошибку, посчитав, что проблема безопасности может быть решена техническими или военными способами. Как известно, война – это слишком важный вопрос, чтобы доверять его военным. Аналогично, безопасность – слишком важный вопрос, чтобы пытаться найти технические и

военные аргументы, чтобы ответить на этот вопрос. Сейчас мы видим, как администрация Трампа идет по этому пути, а за США движется Китай, который считает, что может избежать участия в любых соглашениях о контроле над вооружениями, добиться односторонних гарантий своей безопасности. Такие гарантии не возникнут, если какая-то страна не достигнет такого стратегического и технологического преимущества, которое позволит ей отодвинуть далеко назад всех своих конкурентов. Мне не кажется, что этой страной может стать Россия в ближайшем будущем.

В будущее возьмут не всех: есть ли России место в будущем

Андрей Кортунов:

Мне кажется, будущих будет много, и они будут очень разные. У каждого будущего выстроится своя иерархия, опирающаяся на присущую этому будущему логику развития. Например, будущее смартфонов. Сверхдержавами в производстве смартфона являются КНР, США и Южная Корея. В создание этого будущего Россию не взяли. Мы, как и абсолютное большинство стран мира, - не создатели, а потребители этого будущего. Ничего страшного в этом нет - Ни одна страна или даже группа стран не попадет во все желаемые будущие (даже США и ЕС). Для страны важно выбрать набор экономических, военно-стратегических будущих, где ей быть совершенно необходимо. Например, Россия, вместе с Канадой, две сверхдержавы Арктики. США - на вторых ролях (не ратифицировали Конвенцию по морскому праву, имеют меньший арктический сектор, сильно отстают в ледокольном флоте). Если Россию вытеснят из арктического будущего – это будет национальной катастрофой. В будущем, касающемся разработки и производства гаджетов, России трудно найти себя, но, возможно, это непринципиально.

Говоря о будущем культуры и глобального образования, за это будущее Россия должна бороться более энергично. Сравним два элемента будущего – будущее рынка образовательных услуг и будущее рынка вооружений. Объем каждого из них примерно 100 млрд в год. На рынке вооружений Россия почти всегда занимает второе место и неизменно входит в тройку лидеров. На мировом рынке образовательных услуг на Россию приходится около 2%. Страна не входит не только в первую тройку, но даже в первую десятку экспортеров образования. Уверены ли мы, что будущее рынка вооружений для России более важно, чем будущее рынка образования? И если мы не уверены, то почему у России нет образовательного аналога «Рособоронэкспорта» с соответствующим штатом и бюджетом? Почему на саммитах с иностранными лидерами не рассматриваются вопросы экспорта нашего образования столь же подробно, как вопросы военно-технического сотрудничества? Почему мы не говорим о наших образовательных программах так часто, как мы говорим о программах поставок С-300 и С-400?

Задача любой страны – найти те будущие, те элементы общей картины будущего, в которые стране необходимо вписаться, чтобы сохранить свое положение в мире. И от того, насколько правильно будет сделан этот выбор зависит будущее каждой отдельной страны.

Дмитрий Евстафьев:

Во-первых, будущих будет немного, их будет несколько. Но их не может быть много, потому что ресурсов мало. Но к разговорам о том, что нужно успеть в «последний вагон» какого-то «будущего», которое кому-то кажется единственно возможным, надо относиться спокойно. В конце 90-х годов был разговор о том, что мы будем жить в постуглеводородной эре. Прошло 30 лет, а мы всё ещё готовимся к этому. Через 5-10 лет мы всё ещё будем продолжать следить за динамикой цен на нефть.

Но одновременно возникают дефициты, с которыми мы не можем справиться. Например, вода, некоторые редкоземельные металлы, необходимые для той или иной промышленности.

Пример смартфона - весьма показателен для либерального мейнстрима, хотя выпустить смартфон способна любая страна, например, смартфоны выпускает КНДР. Тем не менее, сколько стран мира обладают собственной защищенной платежной системой? Четыре. Сколько стран мира способны выпустить самолет в пределах одного поколения от Боинга? Четыре. Сколько стран мира обладают коммерчески рентабельными технологиями обогащения урана? Три, сейчас, возможно, будет четвертая. Сколько стран мира способны выпустить собственный компьютерный чип в пределах одного поколения от конкурентов? Четыре. Россия в каждой из этих категорий. Это гораздо лучше, чем собирать смартфоны из импортируемых комплектующих. Вопрос, чтобы иметь собственные коммуникационные платформы гораздо важнее смартфона и здесь, конечно, нам есть над чем работать.

Проблема в другом. Что такое военная сила? Что такое способность государства применять ради своих интересов военно-силовые инструменты? Это понятие сильно меняется. Это проблема расширения теплой зоны вооруженного конфликта. Прецеденты Гуайдо и Лукашенко – демонстрация того, как суверенитет одного государства может быть определен в информационном пространстве, во внешнем информационном пространстве, не обществом, не по закону. Мы живем в системе международных отношений и в обществах, из которых поступательно вымывается понятие закона. Все элиты, с которыми мы живем, временные. В современном мире есть только 2 человека, у которых горизонт планирования по разным причинам больше трех лет: это Си Цзиньпин и Владимир Путин, хотя и у них горизонт сужается. У всех остальных горизонт планирования – от полугода до года. Вопрос суверенитета и способности защитить свой суверенитет внутри страны и за ее пределами – как это обеспечивается? Выпуском смартфона? Здесь должен прозвучать термин “международные институты” и он прозвучит. Суверенитет в мире угарной глобализации защищался через международные институты, но сейчас суверенитет всех государств в мире, не исключая США и Китай, не говоря уже про Россию, на ближайшие 10 лет будет зависеть не от их достижений в технологиях (мы вообще переоцениваем роль технологий, только около 10% технологий являются критическими невоспроизводимыми, остальное – вопрос коммерческой целесообразности). Главный вопрос – это внутренняя социальная устойчивость и геоэкономическая связанность этих стран. От этого будет зависеть их возможность решить те или иные политические вопросы.

Что такое “великая держава” и является ли ею Россия

Дмитрий Евстафьев:

Существует полемика относительно экономической мощи России. Можно играть разными показателями, но как ни считай, больше 6-7% мирового ВВП (это, если считать по ППС и выбросить те компоненты ВВП, которые считаются спекулятивными). Если пользоваться классическими методиками, то это около 4,5% ВВП по ППС Россия не контролирует, однако является одним из пяти наиболее влиятельных государств мира. Вопрос о том, как средневзвешенные 4,5% мирового ВВП, да даже и 6% дают возможность играть такую роль?

Все очень просто: Россия – великая держава в дополнение к определенной геополитической ситуации, ее роль «великой державы» проявляется через востребованность другими игроками.

Но это значит, что для сохранения статуса великой державы, мы должны эту ситуацию создавать, воссоздавать и поддерживать. Но если мы решим, что мы отдельный полюс силы, величина равная США или Китаю, то нас быстро разнесут на атомы. Однако если мы являемся дополнением с сохранением собственных особенностей, к ситуации неустойчивого равновесия и очевидного противоборства в ряде регионов – мы становимся великой державой и получаем возможность развития. Здесь главное – не увлечься международными проектами и не забыть про этом.

О новой глобализации

Андрей Кортунов:

Если посмотреть на общую мировую динамику востребованности универсальных политических идей, то можно увидеть, что существуют определенные циклы, фиксирующие смену запроса на свободу и запроса на справедливость. Первая половина XX века – это запрос на справедливость, поэтому и возникают социальные государства, социал-демократы, Советский Союз. Далее маятник качнулся в сторону свободы – происходят либеральные революции во многих европейских коммунистических странах, уходят в историю латиноамериканские правые авторитарные режимы, справедливость приносится в жертву этой свободе. Первая половина XXI века – новый поворот; то, что мы видим уже сегодня, и то, что усилится в 2020-2030, будет запросом на справедливость. Отсюда неизбежность подъема новых левых сил, запрос на перераспределение произведенного продукта и внутри отдельных государств, и в глобальном масштабе. Глобализация нового витка, если она состоится, будет глобализацией социально типа, а не традиционного правого типа.

О степени прозрачности российской внешней политики

Андрей Кортунов:

Любой дипломат скажет, что должны быть элементы закрытости, без нее невозможны доверительность и достижение соглашений по деликатным вопросам. Но этой закрытости объективно становится всё меньше. Мы должны готовиться к новому этапу, который повлияет и на дипломатическую практику.

Дмитрий Евстафьев:

О транспарентности. Системно разрушаются важные основы дипломатии, такие как конфиденциальность дипломатии. Дипломатии в прежнем виде не будет еще очень долго. Политика должна быть максимально открытой, но одновременно максимально молчаливой.

Разумный баланс между безопасностью и развитием

Андрей Кортунов:

Как достичь баланса между развитием и безопасностью? Это всегда метод проб и ошибок. Сейчас в мире происходит милитаризация внешней политики: министерства обороны и спецслужбы во многих ключевых международных ситуациях оказываются важнее, чем министерства иностранных дел. Особенности процесса принятия решений во многих странах тоже высвечивают эту проблему. Этот перекося рано или поздно придется убирать. В противном случае внешняя политика будет все больше восприниматься как «продолжение войны иными средствами». Это неправильно: у военных свои задачи, а у дипломатов – свои, и не менее важные.

Выгодна ли России биполярная система

Андрей Кортунов:

Биполярная система имеет преимущества – она выстраивает порядок, упорядочивает процесс принятия решений, она проще системы многополярной. Но насколько её вообще можно сейчас создать? Такие блоки, какие были во время Холодной Войны, создать практически невозможно. Жесткие иерархии XX века не могут в полном объеме сохраниться в XXI веке. Возникает и вопрос о том, что биполярность могла бы означать для отдельных игроков системы. Биполярность может иметь тактические преимущества для России в том смысле, что Москва стала бы более важным партнером для Пекина. Но в биполярном мире Москве пришлось бы жертвовать другими важными интересами (развитие российско-индийских отношений, российско-вьетнамских отношений).

Значение количества игроков в системе вообще преувеличено, важнее – характер отношений между ними. Многополярность, равно как и биполярность, ничего нам не говорит о характере отношений между полюсами, а вот многосторонность как раз анализирует процесс взаимодействия различных центров силы. В российском нарративе начинают вообще отходить от идеи многополярности, говорят о полицентризме, то есть о большом количестве автономных центров силы. Наблюдается эволюция российского внешнеполитического мышления

относительно многополярности, перенос акцента на многосторонность. Но России, как и другим большим державам, привыкшим быть региональными гегемонами, трудно дается научиться эффективной работе в многосторонних режимах, и это серьезная проблема. У Владимира Путина однажды сорвалось с языка “Какое счастье, что мы не являемся членом никаких союзов”. Он имел в виду, что наш суверенитет не ограничен участием в международных организациях или союзах. Но суверенитет не может быть абсолютным – мы живем во все более тесном и все более взаимозависимом мире.

О принципах новой идеологии

Дмитрий Евстафьев:

Проблема идеологии постиндустриального либерализма в том, что он стал абсолютно интрузивен – залез не только в социальную жизнь, но и в личную жизнь отдельного человека. Либерализм в принципе идеология с колоссальным потенциалом тоталитарности, который сдерживалась только одним – наличием противостоящей идеологии коммунизма, из-за чего пришлось соблюдать хоть какие-то приличия. Но либерализм, тем не менее, даже в нынешней тоталитарной форме, - последняя целостная идеология. В будущем мы будем иметь дело с рваными идеологическими конструктами, что тоже опасно, поскольку в эти идеологические разрывы может заползти и, скорее всего, заползет политический или этно-религиозный радикализм.

Текст данной статьи основан на полемике профессора Кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ Дмитрия Евстафьева и генерального директора РСМД Андрея Кортунова в день открытия XX Юбилейной Международной Школе ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. Дискуссия «Какой должна быть внешняя политика России в эпоху стратегической нестабильности?» прошла в Звенигороде (Московская обл.) 27 сентября 2020 года. Дальнейшее обновление текста было проведено авторами, а его редактирование осуществлено редакторами по согласованию с обоими авторами полемики.

Выходные данные статьи: Индекс Безопасности №10 (14), 2020